

А. В. Харламенко

Москва, Россия.

Кандидат философских наук,

директор Научно-информационного центра

Института Латинской Америки РАН

ЛОГИКА ИСТОРИИ И ПУТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Философские произведения В. А. Вазюлина, несомненно, составляют эпоху в развитии научного знания. Каков характер этой эпохи? Этот вопрос, в свою очередь, имеет две стороны, намеченные в известных высказываниях классиков о гносеологических и общественно-классовых истоках и тенденциях любой теории. Во-первых, речь идет о ее месте в истории науки как таковой; во-вторых, о ее соотношении с объективным ходом истории человечества и, в частности, нашей страны, в наибольшей степени воплотившей в XX веке основные тенденции и противоречия всемирной истории.

Первая сторона определяется тем, что В.А. Вазюлину впервые удалось выявить в теоретически чистом виде логические основания марксистского метода исследования и в то же время объективную необходимость его диалектического снятия. Это открытие, сделанное в «Логике «Капитала» К. Маркса», выдвинуло теоретическую работу автора на магистральную линию развития категориально-методологических оснований научного мышления, в ряд ее главных вех, обозначаемых именами Аристотеля, Гегеля, Маркса и Энгельса. Мне хотелось бы привлечь внимание ко второй стороне, вернее, к проблеме соотношения двух сторон. Эта проблема встает применительно к любому выдающемуся ученому, и решить ее тем сложнее, чем он значительнее.

Если перед нами действительно начало теоретического *отрицания* марксизма в том смысле, который был вложен в это понятие XIX и XX веками, – значит ли это, что ко времени этого отрицания общественной практикой *уже* были поставлены задачи качественно новые, превосходящие возможности классического марксизма? Ответ как будто

очевиден: откуда же взяться качественно новому теоретическому подходу, как не из общественной практики? Однако аксиоматическая очевидность в таких случаях бывает обманчива. За ней стоит представление о прозрачной ясности самого соотношения истории и теории, а такая прозрачность, если вообще встречается, то лишь в виде редчайшего исключения. Соотношение истории и теории сводится к тождеству только при идеалистическом понимании как той, так и другой, что свойственно всей домарксистской философии, была ли она применительно к природе идеалистической или материалистической. Так было и у величайшего гения диалектической философии – Гегеля. Сведение исторического движения к его логике делает осуществившийся путь исторического развития заведомо единственным, запрограммированным, если рассуждать последовательно, еще до самого развития, а принимаемую теоретиком модель превращает в конец истории (прусская монархия у Гегеля или даже «западная цивилизация» у Фукуямы) [1, с. 61]. Лишь при таком понимании соотношения логического и исторического теория – особенно великая теория – может однозначно соответствовать истории и наоборот. Материалистическое понимание истории побуждает ставить вопрос иначе.

Основные взлеты философской мысли начиная с Милетской школы происходили в таких исторических ситуациях, когда противоречия общественного развития долгое время не находили практического разрешения и перспектива такого разрешения была далеко не очевидной. Соответственно, теория, хотя и несет на себе отпечаток конкретно-исторических обстоятельств ее создания, но не может быть выведена непосредственно из них. Не случайно философия рассматривалась основоположниками марксизма как форма *общественного* сознания, отражающего *общественное* бытие всемирно-исторического масштаба.

В самом деле, неужели немецкая классическая философия и ее вершина – философия Гегеля – была *вполне* обусловлена жалкой действительностью Германии от Тридцатилетней до наполеоновских войн? Нет, она была обусловлена главным образом взаимодействием Германии с процессами всемирно-историческими, контрастом между ними и этой жалкой действительностью. К. Маркс писал: «Немецкая философия – продолжение немецкой истории *в идее*... Действительный зародыш жизни немецкого народа до сих пор произрастал только под его *черепом*... Немцы размышляли в политике о том, что другие народы

делали. Германия была их теоретической совестью. Абстрактность и высокомерие ее мышления всегда шли параллельно с односторонностью и приниженностью ее действительности» [2, т. 1, с. 419-421]. Классическую немецкую философию не зря называли немецкой теорией Французской революции. Как Великая Французская революция была событием не французского, но всемирно-исторического масштаба, так и в теории того же масштаба немецким могло быть только то, что в жалкой действительности тогдашней Германии и вопреки ей направляло лучшие силы нации в теоретическую сферу и позволяло достигать в ней всемирно-исторических результатов. С идеалистических и метафизических позиций это «нечто» выглядит как дух, о котором в национальных, религиозных или иных терминах говорят, в сущности, только одно: «а бог его знает» – выдавая самим себе свидетельство о бедности.

С позиций же исторического материализма возможно иное решение. Если история не запрограммирована ни богом, ни природой; если объективные закономерности ее историчны и формируются исторически; если в рамках уже сложившихся закономерностей возможны и возникают разные тенденции развития, из взаимодействия которых складывается то, что осуществляется, – тогда это многообразие тенденций не может полностью погаснуть в равнодействующей. Нереализованные или реализованные лишь в малой мере исторические тенденции продолжают жить в обществе. На их-то основе и формируются те ростки культуры, в том числе философии, которые контрастируют с действительностью сегодняшнего дня. Так, и Гегель, и Маркс, и Энгельс несли в себе не осуществившуюся с XVI по XIX век лучшую историческую судьбу Германии, Европы и мира [1, с. 65]. Представляется, что сказанное *mutatis mutandis* может быть отнесено и к произведению, о котором мы говорим сегодня.

Вряд ли в 1968 году, когда создавалась «Логика «Капитала» К. Маркса», общественная практика актуально ставила в повестку дня проблемы, для решения которых марксистская методология была бы недостаточна. Якобы находимые тогда у классиков марксизма ошибки, на поверку оказывались либо плодами непонимания именно методологии марксизма и возврата критиков на буржуазные идейные позиции, либо действительно имеющимися в марксистской теории лакунами, т. е. такими областями, в которых предмет не был рассмотрен с точки зре-

ния марксистской методологии ни самими основоположниками, ни их последователями. Таких лакун оставалось и остается немало, и иначе быть не могло. Разработка всех аспектов, затронутых основоположниками качественно новой методологии, на уровне этой методологии – задача целой эпохи, превосходящая возможности отдельного человека, пусть и гения; эта задача не может быть решена в ходе разработки *основ* новой методологии. Поэтому в произведениях основоположников нового направления их собственная теория всегда переплетается с заимствованными положениями, которым до этой теории далеко. Это и позволяет разным умственным пигмеям находить ошибки великих там, куда *их* мировоззрение и *их* метод просто не успели проникнуть. «Орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться» – эти слова любил цитировать Ленин. Вот почему, между прочим, догматическое отношение к трудам основоположников – при отнюдь не гениальных способностях догматиков – закономерно приводит к восприятию главным образом не сильных, а слабых моментов наследия учителей, тех моментов, которые не были основательно переработаны новой методологией. Многие положения, которые десятилетиями тиражировались как марксистские и утверждались ссылками на авторитет классиков, на самом деле принадлежат не им, а их предшественникам и отражают уровень философии XVIII и науки первой половины XIX века. Назову хотя бы «азиатский способ производства», отождествление феодализма с крепостничеством или положение «страх создал богов». Подобные представления до сих пор препятствуют марксистскому исследованию многих проблем. Среди них я бы особо выделил проблемы масштаба и типов международного взаимодействия в ходе исторического развития, в том числе взаимодействия метропольных центров и зависимой периферии мировой капиталистической системы, а также проблему «большого перехода» от доклассового к классовому обществу как единственного аналога нынешнего «большого перехода» от предыстории человечества к подлинно человеческой истории. Эти лакуны марксистской теории, заполняемые буржуазными по существу представлениями, послужили одной из гносеологических причин раскола коммунистического движения в середине XX в. и его поражения. Если бы названные вопросы решались на уровне методологии классического марксизма, революционные силы второй половины XX века

могли бы одержать стратегическую победу даже при наличных объективных условиях. Потребности общественной практики XX века, как мне представляется, требовали не снятия марксизма и не исправления так называемых ошибок в области методологии, а усвоения этой методологии и достраивания теории в соответствии с нею. Подобный период всесторонней реализации открываемых новой методологией возможностей закономерно следует за каждой составляющей эпоху философской теорией. К примеру, все ближневосточное и европейское Средневековье занималось именно таким «развертыванием» логики Аристотеля.

Как же в таком случае объяснить появление в 60-е – 80-е гг. теории, вышедшей за рамки далеко не исчерпавшего себя развертывания марксизма и приступившей к диалектическому снятию марксистской в собственном смысле слова методологии? Не чудо ли это? Нет, не чудо, или чудо того же порядка, что появление Гегеля, Маркса и Энгельса в Германии двести-полтораста лет назад. Человек, хотя бы и великий теоретик, может далеко опередить свое время только в одном случае – если он опирается на реальную, пусть и остающуюся не реализованной иначе, чем теоретически, наиболее передовую тенденцию общественного развития своего и/или предшествующего времени. Что это была за тенденция в то время, в котором все мы жили еще не так давно? Чтобы ответить, поставим вопрос несколько иначе: при каких условиях диалектическое отрицание марксистской в собственном смысле слова методологии стало бы требованием общественной практики? Принципиально ответить не так уж трудно: если бы ее исторические задачи – отрицание человеческой предыстории, прежде всего антагонистического классового общества, – были в основном решены, и на первый план выдвинулось созидание коммунистического общества¹.

Вопреки распространившемуся по мере кризиса раннего социализма обывательскому отношению к такой перспективе как заведомой утопии, она вырастала из вполне реальной тенденции общественного развития, занимавшей в середине XX в. не меньший сектор веера исто-

---

¹ «Если же в качестве непосредственно главной задачи выступает построение зрелого коммунизма, то и в области теории общества выходят на первый план иные задачи, иные проблемы, чем тогда, когда непосредственно главной задачей является упразднение капитализма, соответственно должны измениться и характер и уровень решения теоретических проблем построения зрелого коммунизма, характер и уровень рассмотрения всей предшествующей истории» [3, с. 6].

рических возможностей, чем тенденция к победе раннебуржуазной революции в Германии XVI-XVII вв. По крайней мере до 70-х годов XX века революционный процесс, закономерно охвативший в первую очередь слабые звенья капиталистической системы на ее ближней и отчасти дальней зависимой периферии, вполне мог подорвать механизм ее стабилизации за счет этой периферии. Тогда сложилась бы ситуация, при которой империализм окончательно перестал бы определять мировое развитие и вступил в финальный этап кризиса, а социализм мог бы, выйдя из его «силового поля», сравнительно быстро пройти ранний этап и в полной мере принять характер первой фазы коммунизма. Этого не случилось не вследствие автоматической запрограммированности ранних революций на поражение недостаточным развитием производительных сил, а вследствие сложного и заранее не предсказуемого стечения объективных и субъективных условий.

Однако эта, в основном не реализовавшаяся, наиболее прогрессивная тенденция не исчезла, а воплотилась в целый спектр социально-культурных явлений. Так, попытки одним прыжком очутиться во второй фазе коммунизма (СССР, КНР, Куба конца 50-х – первой половины 60-х гг.), кроме популистских моментов, включали в себя и остаточный потенциал «штурма неба», включавшимися в историческую деятельность народными массами, и стихийное выражение порождаемых научно-технической революцией качественно новых потребностей, и неадекватно выраженную идейную установку на наиболее прогрессивную тенденцию мирового развития. Все это создавало ситуацию «послезавтрашней» ориентации общественного сознания, что могло в зависимости от конкретных условий либо ускорить прогрессивное развитие общества, либо привести к ситуации «обманутых надежд», послужившей в СССР важнейшим социально-психологическим стимулом контрреволюции. Эта ситуация на грани объективного и субъективного прорыва в будущее и послужила, как нам представляется, предпосылкой теоретической постановки проблем, вскоре отодвинутых от общественной практики состоявшимся вариантом общественного развития.

Вопрос для нас сегодня состоит в том, не поставлены ли эти проблемы в практическом плане в порядок *завтрашнего* дня ходом мирового развития после контрреволюционных переворотов 80-х – 90-х годов прошлого века и форсируемой ныне империалистической глобализацией.

В этой связи – немного о «Логике истории». Одно из основных открытий ее автора – это открытие исторического характера тех основных общественных структур, которые выражаются основными категориями материалистического понимания истории: производительные силы и производственные отношения, общественное бытие и общественное сознание, базис и надстройка, социальная структура и т.д.². Доселе эти структуры считались развивающимися лишь в плане смены их конкретного формационного содержания. Теперь же показано, что и наиболее общее структурное деление общества не дано изначально, но складывается в ходе исторического развития и в дальнейшем его ходе подвергнется диалектическому отрицанию.

В связи с этим намечены исторические пределы *естественно-исторического* развития общества. В содержании этого понятия можно выделить два уровня: один выражает взаимодействие общества и природы как самую глубокую основу истории человечества; другой – не полностью преобразования этого взаимодействия *человеческой* историей, преобладание в нем естественного начала как стихийного, когда объективные исторические закономерности пролагают себе путь подобно природным³. С достижением определенного уровня развития общественного производства сохранение его стихийного характера обрекает человечество на гибель. Становится объективно необходимым переход к подлинно человеческой истории, т. е. коммунизму. При этом естественно-историческое развитие подвергается диалектическому отрицанию: первый его уровень, понимается, сохраняется, но начинает выражаться через качественно иное, чем в ходе «предыстории», соотношение между сознательной деятельностью и ее объективными результатами.

Такова именно *логика* истории. К сожалению, конкретно-исторический ход процесса оказался в значительной мере перевернут (что вообще не редкость в истории) по сравнению с логическим. Во второй половине XX века человечество уже достигло такого уровня общественного производства, при котором стихийное развитие стало объективно

---

² «Следует иметь в виду, что сами производственные отношения исторически возникают, формируются, развиваются...» [3, с. 146].

³ Ср.: «...Господство прошлого, мертвого труда над живым трудом в их соединении друг с другом означает, что природные закономерности, природные связи, проникнув внутрь общественного развития, продолжают господствовать в своем снятом виде над собственно общественными отношениями» [3, с. 279].

невозможным – либо оно перестает быть стихийным, либо перестает быть развитием. Исчерпаны возможности и экстенсивного типа освоения природы, и пресловутого рынка как народнохозяйственного регулятора, и войны как главной до тех пор «повивальной бабки истории», и, видимо, формирования классового сознания и классовой организованности на базе более или менее «прозрачных», очевидных для обыденного сознания социальных интересов. Все эти механизмы общественного развития как *естественно-исторического*, стихийного в своей основе, перестали работать на общественный прогресс, хотя еще в значительной мере пригодны для противостояния ему. В то же время человечество еще не достигло общества, способного обеспечить иные средства прогрессивного развития, а таким может быть только общество коммунистическое. Основная коллизия конца XX – начала XXI века состоит в следующем: как осуществить переход к подлинно человеческой истории в условиях, когда порождаемые предысторией механизмы прогресса уже изжили себя, а новые не сложились и не могут по-настоящему сложиться в рамках предыстории? Попытка разрешить эту коллизию путем развития раннесоциалистических стран в направлении коммунизма и их решающего воздействия на мировое развитие натолкнулась на незрелость раннего социализма и отмеченную еще полтора века назад К. Марксом и Ф. Энгельсом закономерность: «Всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм».

В связи с этим правомерен вопрос: не происходит ли на наших глазах, уже в ходе революционного и контрреволюционного процесса, отрицание некоторых базовых черт естественно-исторического развития? Не будет ли в XXI веке, например, массовая армия революции формироваться не на базе стихийного движения, порождаемого социальным положением людей и их повседневными интересами, а на базе осознанной потребности в подлинно человеческом развитии, т. е. так, как прежде формировался только *авангард* движения? Не наметилась ли тенденция к этому уже во второй половине XX века, особенно в латиноамериканском революционном процессе, и не возрождается ли она в новых формах внутри нынешнего «антиглобалистского» (на самом деле альтерглобалистского) движения?

Если это так, то XXI век по-настоящему востребует диалектическое снятие материалистического понимания истории. Пока задача

революционного отрицания капитализма не решена, это снятие будет переплетаться с актуализацией и разворачиванием марксистской теории, вполне же сможет быть осуществлено на последующем этапе. «Логика «Капитала» и «Логика истории» – это написанные в XX веке произведения марксизма двадцать первого – как минимум – века.

Список литературы

1. *Харламенко Е.Н.* Об одном воплощении нереализованных исторических возможностей. //Диалог. 1996, №9.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд.
3. *Вазюлин В.А.* Логика истории. М., 1988.